

Владимир Мамонтов

МЕДВЕДЬ, ПОХИЩАЮЩИЙ ЕВРОПУ

Тема нынешних Лихачевских чтений - БРИКС во всех его цивилизационных проявлениях. Наверное, вернее, совершенно точно, есть специалисты которые лучше расскажут о введение в будущем странами БРИКС единой валюты, о том как сочетаются их потенциалы, как будут развиваться торговые отношения между этими странами и остальным миром и так далее.

Поскольку я журналист, сфера моих интересов широка, и я явно не тот специалист, который подобен флюсу. Может, в журналистике я и специалист в силу определенного опыта, но во всех остальных сферах я привык скорее спрашивать, чем отвечать, коллекционировать мнения и на основании этой коллекции, ну а за жизнь и за мою практику собралась довольно серьезная, обстоятельная коллекция, делать те или иные выводы. Если они покажутся интересными коллегам или читателям – ну, хорошо. Посчитаю, что свою роль любознательного исследователя разных сторон жизни, самых разных сторон, – я эту задачу выполняю и слава Богу.

Что касается БРИКС, то есть один вопрос, который неотступно меня преследует. Сформулировать его коротко не так просто, но попробую объяснить в чем тут дело. Мне вполне понятно, как, например, будет осуществляться наша совместная жизнь, союзное наше бытование экономическое и иное, ну, например, с Китаем. Во-первых, тут срабатывает, я бы сказал житейский опыт. Я родился и вырос на Дальнем Востоке. Китай совсем рядом. Приграничная торговля, взаимное проникновение, какие-то поездки, внезапное, или не особо внезапное, но ухудшение отношений с Китаем, которое, безусловно, зависело от глобальных перемен в наших странах. А все это вместе мне какую-то картину практики того, как это будет

происходить, и уже происходит сегодня, в общем, мне дало. У меня есть такая картина.

Любой дальневосточник скажет, что взаимоотношения с Китаем очень близкие, очень тесные, очень понятные, иногда благостные, иногда иревожные, но всегда на кончиках пальцев, как говорится, существовали издавна. С тех пор как русские там появились. Город Владивосток на самом деле еще в 50-60 годы прошлого века сплошь состоял из каких-то улиц, слободок, оврагов, падей (как там говорят «падъ» - низкое место в городе) или сопок – которые, представьте себе, носили удивительные названия. Река, которая недалеко протекала, и на чьих берегах мы школьниками, занимались спортивным ориентированием, называлась Лянчихе. А действие романа Александра Фадеева «Разгром», короткого, но все же романа, происходило неподалеку от города под названием Сучан, который теперь, конечно, Партизанск, но тогда он был Сучан. Владивосток уже тогда очень красивый и очень своеобразный город, пересекали улицы Китайская, Пекинская,

Суйфунская и т.д. Ветераны, вернее тогдашние старожилы, помнили, что когда-то китайцы были во Владивостоке водоносами. Заменяли собой водопровод. Кругом были мелкие лавочки и магазинчики китайские. Царское правительство тому не препятствовало, просто для китайцев существовало одно-единственное ограничение, совершенно малюсенькое; они должны были потратить всё, что у нас заработали, хоть на лесозаготовках, хоть торговлей бумажными фонариками, тут в России. Всё.

Те, кто застал расцвет советско-китайской дружбы в 50-е годы помнят, что Китай снабжал всех жительниц Владивостока одинаковыми (только цвета были разные) пиджаками. Даже не знаю, как назвать ткань – что-то типа джерси, такие вполне симпатичные, с красивыми узорами. Это было мило, но в общем, немного странно, потому что модель была одна. В квартирах у владивостокцев, буквально у каждого, стоял китайский божок.

Которого если тронешь – он покачивал головой, и в общем, напоминал нам о бренности всего сущего, видимо. Мы ели китайские яблоки. Под новый год дом наполнялся запахом китайских мандаринов. Они были пересыпаны шелухой. Яблоки и мандарины так хранились – пересыпанные шелухой. Я так понимаю, что это, наверно, отходы риса вылущенного. Рис шел на пропитание китайцев, а шелуха на упаковку яблок. Хороших, прямо прекрасных яблок, которые я отлично помню.

Такое ощущение, что мы рядом, что есть взаимное проникновение, оно всегда было для меня дальневосточника всегда понятно. Более того, когда я потом стал взрослеть, постепенно заинтересовался китайской литературой, китайским искусством, в конце концов, иероглифами, которые русский народ припечатал «китайской грамотой», - это тоже удивительная история. В университете у нас были так называемые китаисты и японисты, которые это дело внимательнейшим образом изучали. Я вот видел перед собой прекрасную китаистку какую-нибудь и думал – Боже мой, как она ловко умеет разбираться, уже научилась разбираться в этих красивых, но непонятных знаках. И она видит разницу между ними - очень тонкую иногда. А мы все проходим теорию и практику советской печати и конца и края этому не видно. Как мы ее осваиваем более – менее понятно, но как эта милая девушка познает каким-то образом это что-то сложное и совершенно другое, ментально, тактильно, нейронно другое? Вот это для меня долгое время оставалось загадкой.

Что касается каких-то вещей, мягко говоря, менее трогательных, к примеру, конфликт на острове Даманском. С ним стало появляться понимание, что у нас не только привычка жить рядом и взаимно полезное существование, но у нас есть и серьезные проблемы. Да и привычка - хрупкая. Не навек. У Андрея Тарковского в «Зеркале» это очень сильно сказано, с художественной полнотой. Распри тоже к нам пришли из далёкой истории. Даманская проблема не вчера родилась. И не только со смертью

Сталина и новой политикой России, которую не понял и не принял Мао Цзедун.

В Китае, как знают те, кто серьезно изучал нашу историю, ту же реку Амур звали Рекой черного дракона. Считали своей. Они помнили наших прославленных первопроходцев и руководителей, посланных царем править этими новыми, приращенными землями России. И руководители эти, генерал-губернаторы, заявляли, что Амур - это наша река, а китайцев называли так, как в цивилизованном обществе не принято произносить (не буду и я сейчас сейчас). Мол, их только можно пускать на их берег, «ноги мочить и скотину поить». Вот такая была позиция.

Хочу заметить в скобках, что Владимир Клавдиевич Арсеньев будучи безусловным патриотом России, одним из важнейших исследователей, офицеров, военных инженеров, и строителей, не в том смысле, что он кирпичи клал, а в той, что он строил российское государство, в том числе и в этих регионах, ничтоже сумняшеся, подложил большую мину. Потом, как из эту мину разминировать, из этой ловушки выбраться, решали наши идеологи. С картографами. Если вы почитаете Арсеньева, если вы посмотрите на старые карты, то вы обнаружите те самые реки Лянчихе и прочие, и их там сотни. И хребты, и распадки, и урочища уже носили китайские названия. Это не совсем Китай, мы не будем сейчас в это углубляться, это государство джурчженей, которое Китай завоевал, но сил тогда у Китая не было на установление над этими территориями прочной власти.

Ну так и у России когда-то не было этой прочной власти. После революции, например, там была образована такая «буферная» Дальневосточная республика, и с ней стали быстренько американцы возиться. Тогдашний президент Америки Гардинг, противник признания Советов, даже приглашал руководство Дальневосточной республики на большую конференцию по будущему региона Тихого океана. Так что у

Байдена полно предшественников. Там, на этой конференции, были и японцы, и китайцы, и представители маленьких островов. В том числе поехала и делегация Дальневосточной республики по официальному приглашению. Правда, приглашение не касалось кое-каких важных заседаний и так далее. Но не то, чтобы в предбаннике они провели это время, но они числились как делегация, которая получила официальное приглашение, но не на все мероприятия и т.д.

К чему я это пишу? Я хочу сказать, что это ощущение связанности какой-то, исторической квантовой и иной со страной, которая вместе с Россией является ядром и центром

БРИКС, у меня лично внутри как-то сформировано. И тем не менее: осмелюсь заявить, что оно все равно находится не на переднем плане моего сознания. Это я сейчас пишу только о себе. Я не претендую на гигантские обобщения. Я размышляю над этим. Даже для меня, дальневосточника не так просто взять и сказать: всё, мы не Европа, мы повернули на Восток, и нам надо с этим жить. Это наша новая политика, а там видно будет. В силу определенных причин, смотрю на все эти вещи широко открытыми глазами, слегка перефразируя Стэнли Кубрика.

Но тем не менее, для меня остается открытым вопрос, еще раз хочу сказать – я не в экономике БРИКС разбираюсь, а я просто пытаюсь понять, а мне Бразилия заменит, скажем, Англию в моем сознании и надо ли это делать? И как тут выпутаться из той интересной ситуации, что еще какое-то время назад мы довольно активно проникали в Европу. Мы прорубали в нее заново окно. Мы страшно хотели туда зайти. Другое дело, что нас туда, как выяснилось, не пускают, во-первых, а во-вторых, пытаются нас победить, сделать из нас полуколонию или колонию. Мы внезапно сделали для себя это открытие.

Были люди, которые и в 60-е, и в 90-е годы и говорили об этом, и предупреждали. Мы их слушали? Нет. Мы хотели быть европейцами. Какие

у меня внутри по этому поводу есть чувства и как я собираюсь их переломить? И надо ли? Давайте так посмотрим: что в Европе для меня важно и ценно? Да, я знаю о технологиях, я понимаю, что технологии современные и вообще уровень научного, технологического (оставим культурного) развития там высок. Там есть, что нам перенять. «Глазами жадными цапайте, что у вашей земли хорошо, и что хорошо на Западе».

Так было почти всегда. Вся индустриализация российская, ее успех заключался в том, что большевики и Иосиф Сталин в частности, сделали хорошо то, что российская империя делала плохо, делала непозволительно долго. Если вы вспомните нашего замечательного, великого Льва Толстого, то там есть в «Анне Карениной» эпизоды, которые посвящены не линии вот этой душераздирающей измены Анны своему старику-мужу 48-ми лет, а там есть другие персонажи, и они заняты другими делами. Там установка, по-моему, молотилки в имении Левина - событие. Но молотилку изобрел и изготовил не Левин. Левин только позаимствовал эту молотилку в Англии. Европа всегда была поставщиком молотилок, знаний (о ружьях и кирпиче), в конце концов, людей – кадров продвинутых. Этим воспользовалась Россия, которая исправно отдавала Европе долги в других областях. Ну например, когда было нужно какому-либо нашему союзнику европейскому, который самостоятельно не мог победить своего врага, туда отправлялись наши доблестные воины и побеждали там, кого следует. На самом деле они отправлялись туда, только если это решение совпадало с интересами России. Как тогда эти интересы понимали тогдашние руководители: царь, царские советники и так далее.

Как они понимали тогдашнюю геополитическую обстановку. Не всегда адекватно, но в решительном количестве случаев мы действовали в своих интересах, расширяя свое влияние и т.д. За счет, в том числе, сотрудничества и единения с той или иной частью Европы.

Ладно, зайду с другой стороны, и опять начну с личного опыта. Меня обвиняют зачастую, мол, про чтобы я не разговаривал, что ни пишу, сбиваюсь на то, как мы с моим добрым другом некоторое время восстанавливали старый «Москвич» 59-го года выпуска, «Москвич 407». Я так прямо полюбил эту историю, что везде стараюсь ее как-то ввинтить. Но на самом деле эта история действительно очень важная для меня, потому что, разбирая и собирая заново этот «Москвич». мы лучше поняли, как был устроен СССР, что мы взяли у западников тогдашних, что переделали сами, что улучшили, что не смогли. А там есть такие крошечные детальки, «детальки», в прямом и переносном смысле, которые показывают, что подтачивание базовой европейской, западной, восточной, всё равно, модели под российские реалии – это очень важно.

Тут наши инженеры вообще молодцы на самом деле. Наши никогда слепо не копировали. Наши всегда вносили, по тем или иным причинам, свои улучшения. Иногда просто прекрасные, иногда просто фантастические. Этот тот вклад, который мы действительно можем внести. Это наша сноровка и сообразительность. Но сперва на заводе малолитражных автомобилей доблестные инженеры действительно скопировали «Опель». Назвали его «Москвич-401». По настоянию Сталина. Те уверяли: «Иосиф Виссарионович, мы его разобрали, развинтили этот «Опель», ничего особенного, мы лучше сделаем». А он (по легенде) говорит: «Нет, вы сначала сделайте «Опель» один в один, я вам скажу «Молодцы!», если он поедет. Или не скажу. А потом делайте следующий». Потом, кстати, так оно и вышло. «Москвич-407» – это абсолютно российское производство. Там каждая деталь на что-нибудь похожа, ну как любая в любом автомобиле. Но при этом она наша. И когда наконец эту машину выпустили за границу... Резонансная история была. Даже по Америке она немножко покаталась, 3 штуки. Но потом Пауэрса сбили и попытки продать американцам «Москвич» провалились. Не стали

лицемеры-американцы покупать «Москвич», раз сбивают нашего «метеоролога» Пауэрса, не то, что дружбы - мирного сосуществования пока не получается.

А когда он наконец доехал до Англии, то английские автомобильные журналы и мастера тогдашние автомобильные журналистики английской с изумлением писали, что да – есть кое-чего по комфорту претензии, да он немножко такой, так сказать, «рашн», но Боже мой! Ему не страшны плохие дороги. Я понимаю, что конечно плохие дороги в Англии – это не то, что плохие дороги в России. Но тот факт, что и по плохим, и по хорошим, и по любым дорогам этот наш новый автомобиль на ту пору прекрасно путешествовал – это очень важно. Понятно, что собственные машины, и даже собственные ракеты, и даже собственные космические корабли мы делали. И атомные станции, и атомный ледокол «Ленин» мы сотворили каким-то образом, иногда волшебным, иногда потрясающим. Соединяясь, к примеру, парадоксальным образом с трагическим делом Розенбергов. Курчатов сверялся с предоставленными документами - и это очень помогло быстрее догнать американцев. Он обладал чужими знаниями, помимо своих собственных мозгов прекрасных. И даже марксизм и даже революция эта наша злополучная 1917 года, она тоже в известном смысле, в известной мере заимствована оттуда, переиначена, выстроена по-новому, и это наш теперь уникальный опыт, над которым кто-то смеется, кто-то плачет. Строительство коммунизма в отдельно взятой стране: конечно, это мы, кто ж ещё?

Если посмотреть на универсальный кодекс тогдашних европейцев, на их установки, ценности, цензуру, на их технологический уровень, на их вообще подходы к жизни – они в общем-то на самом деле недалеко отрывались, они недалеко от наших уходили. Посмотрите фильмы 50х-60х годов послевоенные, американские - и наши, под этим углом. И европейские, итальянские особенно, где масштаб бедствия в ходе Второй

мировой войны побольше был, чем у американцев, и это мягко сказано. А у нас... Но тем не менее, мы увидим множество совпадающих ситуаций, проблем, материальных свидетельств. Даже по менталитету совпадающих. Даже то, что цензура вычеркивала в советское время. Но только если идеологию не брать, антисоветчину. А в моральных аспектах... Сходство (ханжество) абсолютно близнецовое. До какой степени можно плечо оголить актрисе, и так далее – вот это все это было очень похоже и соотносилось вполне с западной цивилизацией.

Догнать и перегнать. Кого? Ну конечно не Китай, ну конечно не Индию, конечно не Бразилию. Вот это очень важный момент. И уж конечно точно не Иран, потому что вот эти замечательные фотографии, на которых иранские студентки в коротких юбках сидят на солнышке где-то там в Тегеране, демонстрируют то, как европейские ценности проникают даже в такие фундаменталистские общества. Эта фотография же никуда не делась. Любой любопытный и любознательный может пойти и полезть в Википедию, в интернет и найти там ее.

Надо сказать, что есть точка зрения, что мы такие были наивные, несчастные, ничего не видели, поскольку у нас было мало хорошей колбасы, то мы на эту колбасу и повелись. Я имею ввиду уже позже, в 80-е годы – в 90-е, в перестройку. С одной стороны, нам действительно не хватало колбасы, с другой мы хотели слушать не вокально-инструментальный ансамбль «Лейся песня», а «Битлз», «Лед Зепелин» или «Пинк Флойд» или еще что-то, а нам не давали. Мы хотели носить туфли на платформе, а их не выпускали. И т.п. У них свобода, а у нас нет свободы. Вот это все в значительной степени оказалось ерундой. Но, прежде чем это оказалось для нас ерундой, стало у нас в головах ерундой и сложилось в ясное и понятное знание, что нас тут надурили, вообще-то и жизнь прошла. На это у некоторых ушла целая жизнь, чтобы понять.

А какая-то часть поколения этого всего и не заметила, они были просто заняты выживанием. Им некогда было думать про «Пинк Флойд». У них семья, дети. Дети уходили из семьи, и они не понимали, почему не могут обеспечить нормальное будущее себе, своим детям, внукам. Почему им надо уйти с работы, с завода? Закрылся завод, потому что не нужен никому, хотя ничего подобного, как выяснилось позже, он был очень нужен! Только надо было его еще раньше реконструировать, переделать, сделать современным и т.д.

Какая-то часть этой всей истории конечно ложится на то, что нас надурили. Что с нами провели спецоперацию по закрытию очень интересной одной страны в которой мы родились. Это все так. И спецслужбы поработали и ЦРУ и «Голос Америки» и т.д. Не без этого. Но при этом у нас еще был внутренний настрой, если на неприятие тех ценностей европейских, то, по крайней мере, понимание их. Вот, скажем, французских фильмов и итальянских фильмов шло достаточное вполне количество. Самых разных. И комедий и социальных и драм. И «Мари-октябрь» вам пожалуйста, и «Фантомас», и все что хотите. И «Вы не все сказали Ферран» – фильм так назывался. У нас даже «новая волна» представлена была, даже Клод Шаброль, уж не говоря о Лелюше, «Мужчине и женщине» и д.т. И когда мы смотрели на эту жизнь... Да у нас живут не так, но в тоже время – в общем, ничего особенного. Люди точно нам понятные, а может быть даже и близкие, а может быть даже... Мы с ними, конечно, хлебнули горя, мы с ними воевали и вместе, и против. Но телевизоры у нас работали на французской системе. И это образ, а не только факт.

То, что происходит сейчас в Европе, то, что Европа сама отказывается от самой себя, от собственных ценностей, от собственных установок, это трагедия, на мой взгляд. Нынешние карлики ещё вчера были были гигантскими империями. Как они себя вели - это ужас, понятно. Что

британская империя творила в своих колониях, и французы такие же, и все... Но! Но при этом великие просветители были там, великие ученые были там. И даже плоховатенькие ученые, которые там по тем или иным причинам не прижились, ехали к нам. И здесь, между прочим, кто-то даже расцветал, а некоторые приложили значительные усилия и вошли в историю как создатели Российской Академии Наук. И так далее. А писатели, а художники? Да, конечно, Серов превзошел всех Ренуаров вместе взятых, но конечно (это мое частное мнение, не навязываю его) это означает, что стояли-то наши тоже на плечах великих. И Брюллов, когда он Италию писал, он конечно понимал, вслед за кем он это делает – итальянскую девушку в винограднике. Вот это тоже важно. Виноградник этот у нас сейчас. В личности каждого, сознаёт он стоили нет.

А теперь вдруг раз – и БРИКС. И что нам делать со всем этим наследием? А не надо ли нам его отцепить, выключить? Вот наверно ради этого вопроса я и начинал писать эту заметку. Вот не надо этого делать. Надо умудриться быть мудрее, простите за тавтологию. То, что мы накопили при помощи Европы, воюя с Европой, с тем, что мы сейчас называем Западом.... Не хочу про американцев говорить, это отдельная песня.

Это государство заслуживает отдельного разговора, но сейчас не о нем. Оно играет гигантскую роль, но сейчас просто не о нем.

Так вот, накопленное во взаимодействии с Европой, обработанное нашим умом и опытом, открытиями чудными, потом, кровью, слезам, радостью, вдохновением не надо внезапно выбросить. Там умопомрачение у них в сфере традиционных ценностей, в общем они легкомысленно отказываются от христианства, которое веками цементировало Европу.

Но несмотря на все беды и все войны, которые там происходили, еврочеловек так устроен, он такое животное по Ремарку, что воюет, убивает других людей, выполняет кем-то поставленные перед ним задачи, но при

этом он пишет стихи, при этом он неотрывно, мучительно размышляет о своем месте в жизни. О том, что он, собственно говоря, делает, куда он идет. Шолохов ровно поэтому - европейский писатель. Он казачий писатель, он русский писатель, он советский писатель – что хотите, но он европейский писатель.

Он не китайский писатель.

Поэтому нам, когда поворачиваем на восток, туда, сюда, нам надо кое-что вообще-то... прибрать к рукам. Европу раньше кто похищал – бык? Дело такое было. Медведь, считаю, в свою очередь должен похитить Европу. Нетрадиционные сексуальные отношения оставить им – Бог с ними, если им так больше нравится. Но цивилизацию придётся медведю спасти.

Может, это и есть в целом задача БРИКС? И дракон нам поможет - вместе с Рикки-Тики-Тави? Думаю, надо при БРИКС надо создать комиссию. Когда проблема возникает – мы создаем комиссию, верно? По инвентаризации европейских ценностей - и начать их беречь. Нам надо сберечь эти ценности европейские, как мы в свое время берегли Дрезденскую галерею. В широком виртуальном смысле, вот эти европейские подлинные ценности нам надо у Европы, коль они ей не нужны, забрать. Унаследовать.

Я как-то писал, когда у нас сильно обострились отношения с Британией – да провались она.. Хотя я очень любил ездить в Британию, в Лондон – просто родной город. Сидели там, пили пиво это лондонское, пытаюсь понять, чем же оно хорошее и т.д. В 8 утра ходили в паб, единственный паб в Лондоне, который специальным указом королевским открывался в 8 утра (все остальные в 11.00), потому что рядом мясной рынок и там рубщики мяса, они заканчивали свою работу к 8 утра, могли и пивка пропустить. Конечно, ныне паб закрыт. Веганы что ли постарались? Я бы его не закрывал никогда, просто как европейскую ценность. Может его

сюда, к нам перенести куда-нибудь, рядом с мясным каким-нибудь рынком поставить.

Впрочем, вернемся к вещам более утонченным. Они думают, что они могут нас отменить, не пустить, игнорировать и нанести урон, поражение. Они не понимают пока, что поворачивая на Восток, изучая иероглифы, любуясь прекрасным на просвет китайским фарфором, мы должны решить одну важнейшую задачу. Русскому воину, русскому человеку, русскому ученому, русскому журналисту, кому угодно эта задача по плечу. Я абсолютно уверен – мы должны спасти еще и Европу. Возможно, она пока переедет к нам в сердца, в души, в мозги, в лучших своих проявлениях. Она переедет и там поживет. Если там одумаются, если мы все хором не сгорим, не превратимся в серый ядерный пепел, а такое тоже возможно, то мы потом эти сокровища Европе вернем, как Дрезденскую галерею. Если захотят. С ними ничего не произойдет, когда они будут у нас в сердцах, в душах. Только лучше станут. Мы их еще и отреставрируем за свои деньги. Мы еще эту, так сказать, пыль веков за которой уже ничего не видно, может быть аккуратно сотрем. А может быть оставим как есть, потому что эта пыль, эта патина, эти кракелюры – это тоже ценность. И мы это понимаем. Только вы, граждане европейцы, почему-то перестали это понимать.

Вот почему мы поворачиваем на Восток. Потому что вы не оставляете нам выбора.

А в конце, в последнем абзаце выражу сомнения, сомнения в самом себе, сомнения в тексте, который я только что представил вашему вниманию. И ничего страшного: это очень по-европейски. Может быть дело в том, что нам надо с такой же любознательностью и с таким же чувством внутренним, которое русского человека всегда отличало отнестись уже не к Европе, а к Китаю, и к Индии, и к Бразилии, и к новым задачам, которые нам поставлены неожиданно. Возможно, мы сами их так не формулировали,

но сама жизнь каким-то образом так сформатировала. У нас часто сначала что-то происходит, а потом мы это осмысливаем.

Даже крымская история до сих пор ведь еще ждет своего Льва Толстого. Говорят, что Крым вернулся в родную гавань. А может быть и Россия сейчас возвращается в родную гавань? В ту самую бухту Золотой Рог, которая мне так близка. И я сейчас не про Стамбул. Во Владивостоке есть бухта Золотой Рог, красивая, прекрасная бухта Золотой Рог, которая тоже носила, между прочим, китайское название, но стала Золотым Рогом, что кстати, калька с другого, фактически европейского Золотого Рога.

Теперь он нашенький.